

ЧЕТЫРЕ ЖИЗЕЛИ ИЗ НОВОСИБИРСКА

В КЛАССИЧЕСКИХ произведениях драматического, оперного и балетного театра есть образы, о которых актеры мечтают смолоду.

Эти образы волнуют воображение своим возвышенным романтизмом и правдой чувств. По сути дела в них воплощается очарование театра как искусства, воспеваящего лучшее, что есть в человеке, — чистоту чувств, мужество, верность. Глубина настоящей человечности, выраженная в совершенной и гармоничной художественной форме, богатство красок, нюансов при безупречной цельности и законченности характеров — вот что привлекало и будет привлекать в лучших образах драматической, оперной и балетной классики.

Жизель в одноименном старинном балете Адана — одна из таких ролей. Выступать в ней имеет право актриса, обладающая свободой техники, чувством стиля, умением правдиво жить на сцене. Только отголоски прекрасной, но туманной легенды дошли до нас об исполнении первой создательницы партии — прославленной Карлотты Гризи. Уже гораздо яснее тенденции трактовки замечательных русских балерин Анны Павловой, Тамары Карсавиной, Ольги Спесивцевой, искавших в классической роли прежде всего черты сердечности, глубины, трепетной возвышенности, свойственной русскому искусству. Сохранив все эти черты, наша великая современница Галина Уланова придала образу Жизели небывалый философский масштаб, добила высокой силы обобщения. Ее Жизель останется в истории балета как символ торжествующего добра и любви, побеждающей самую смерть.

От каждой балерины, выступающей в роли Жизели, ждешь своего слова, своего открытия, невольно следишь за тем, какие новые оттенки и внутренние акценты найдет она в изумительном тексте балета.

Тот факт, что Новосибирский театр оперы и балета, гастролирующий сейчас в Москве, смог показать в этой партии четырех разных интересных исполнительниц, уже сам по себе свидетельствует о силе труппы, о высокой танцевальной и артистической культуре коллектива. Мы можем в чем-то спорить по поводу тех или иных оттенков трактовки, отмечая те или иные недочеты, но ни одно из четырех выступлений не кажется нам случайным или неправомерным.

Л. Крупениной право на роль Жизели дает ее бесспорное профессиональное мастерство, богатство и сила почти безупречной техники. Она до конца исчерпывает все хореографические возможности труднейшей партии. Ее танец точен и легок. Балерина чувствует каждый музыкальный акцент, не упускает ни одного тончайшего нюанса танцевального рисунка. Это действительно блистательное исполнение, но, пожалуй, «слишком» блистательное. Смело и свободно преодолевая все технические трудности, актриса может быть невольно, только на них фиксирует внимание зрителя. Мы любим прекрасную техникой балерины, наслаждаемся красотой ее танца, но порой не видим реального и трогательного содержания хореографической драмы, перестаем сочувствовать радостям и горестям простой искренней девушки, следим больше за виртуозностью актрисы, чем за развитием бесхитроутой истории чистой, благоуханной любви. Моментами и самый танец Л. Крупениной становится излишне бравурным, стаккатированным, отчего стирается и лирическая мягкость, прозрачность этой романтической хореографической поэмы.

Технические достижения балерины блестящи, ее возможности очень велики, и мы вправе ожидать более глубокого проникновения в человеческую сущность роли.

Молодая балерина Н. Александрова, прежде чем выступить в центральной партии Жизели, танцевала в балете повелительницу виллис Мирту. Таким образом, она постепенно постигла сложный хореографический стиль этого балета и, танцуя главную партию, обнаружила понимание особенностей танцевального текста. Н. Александрова обладает хорошей школой и данными — у нее большой, высокий прыжок, прекрасный шаг, легкость в исполнении мелких движений. Второй акт она танцует свободно, чище по линиям, добиваясь нужной здесь воздушности и грации. Но изящество и грация ее танцев порой незаметно переходят в кокетливое жеманство и манерность, что не может не противоречить характеру простодушной и наивной Жизели. Н. Александровой нужно добиваться большей строгости и гармоничности танца, внимательнее следить за координацией движений, а главное, искать простоту и искренность сценического поведения.

Руководство театра поступило смело, поручив партию Жизели талантливой, но совсем юной танцовщице С. Хорисовой. Жизель — Хорисова необыкновенно простодушна и доверчива. Она привлекает юностью облика и детским, восторженным восприятием окружающего мира. Актрисе удалось с должным тактом и драматизмом провести сцену сумасшествия и в последнем акте сделать воздушные танцевальные композиции осмысленными и значительными. Правда, молодой исполнительнице порой не хватает технической уверенности, она не везде точно распределяет свои силы. Из всех четырех исполнительниц она наименее опытна, и естественно, что ее исполнение кажется не совсем законченным. Это скорее талантливая, обещающая заявка на роль, чем завершённое создание. Но недостаток опыта во многом искупается свежестью чувства, обаянием молодости и, главное, серьезным, трепетным отношением к своим артистическим задачам. Нужно поддержать поиски молодой танцовщицы, находящейся в процессе постижения и освоения труднейшей роли. Думается, что мастерство С. Хорисовой будет расти и крепнуть от спектакля к спектаклю, и созданный ею уже и сейчас очень привлекательный, трогательный образ постепенно обретет необходимую глубину и значительность.

Выступление в партии Жизели хорошо известным москвичам Т. Зиминой оказалось наиболее интересным. Здесь мы встретились с настоящей актерской трактовкой, своим прочтением классической роли. Непосредственность и теплота чувства сочетаются в исполнении Т. Зиминой с глубокой продуманностью каждого момента, каждой мизансцены и танца. Надо сказать, что танец Т. Зиминой и в других ролях привлекает осмысленностью и одухотворенностью, строгой и чистой формой. В партии Жизели балерина безукоризненно точна, она бережно сохраняет стиль и характер романтического балета. Но эта точность соединена у нее с полнотой и свободой чувств, с психологической правдой внутреннего рисунка. Ее Жизель в первом акте очень проста, даже наивна, но за этой наивностью все время ощущаешь глубину души, серьезность отношения к людям и к жизни. Она любит Альберта почти благоговейно, веря, что любовь эта — первая и единственная, на всю жизнь. Жизель Зиминой юна и про-

стодушна, но в ней нет подчеркнутой инфантильности; даже в горе, в безумии она не кажется жалкой, отчаяние не лишает ее человеческого достоинства, в трагической сцене сумасшествия нет и тени суетливой сентиментальности, все предельно строго и сдержанно.

И во втором акте Т. Зиминой находит свою тему — это тема мужественной борьбы, поединка с виллисами во имя спасения любимого. И, пожалуй, больше всего волнует то, что ее Жизель в этом акте все время полна тревожной заботы по отношению к Альберту: хочет ободрить его, вдохнуть в него силы, веру в спасение. Здесь Жизель — Зиминая деятельна, и при всей невесомой прозрачности облика виллисы она убеждает нас в силе вполне реальных, возвышенных человеческих чувств своей героини.

В заключение несколько слов о самом спектакле. В нем есть досадный недостаток — неизвестно зачем добавлена новая картина, которой нет в классической редакции. Это ничем не оправданный эксперимент останавливает действие, нарушает цельность музыкальной (для нового эпизода взята музыка из других произведений Адана) и танцевальной драматургии. Нельзя сказать, что отдельные номера из классической редакции перенесены точно. Здесь есть много приблизительного, требующего уточнения и поправок. Но в эпизодах, где классический текст бережно сохранен, обнаруживается выросшее танцевальное искусство труппы, ее творческая дисциплина, стройность ансамбля виртуозных солистов. Кроме исполнительниц Жизели, высокое мастерство показали актеры Г. Янсон, Л. Степанов, С. Савков, Т. Кухаркина, Л. Гусева, И. Гафт, В. Алексеева, Г. Балашова, Ю. Гревцов, Е. Нечаева и другие.

«Жизель» новосибирцев встретила в Москве очень теплый прием. Это несомненное свидетельство настоящей танцевальной культуры и одаренности коллектива.

Николай ЭЛБЯШ

Сцена из балета «Жизель» в исполнении артистов Новосибирского театра оперы и балета. Жизель — С. Хорисова, Ганс — Л. Степанов. Фото Ю. Кернера и А. Любимова